

Светлана Мерзликина

Вспышки памяти. Зарисовки из детства

https://litres.ru/74731544
SelfPub; 2026

Аннотация

Память не хранит даты. Она оставляет вспышки — яркие кадры, которые вдруг возникают ниоткуда и остаются навсегда.

Запах мандаринов и старого паркета в коммуналке. Тяжёлая дверь с матовым стеклом, за которой исчезает мамин силуэт. Серая еда в стакане, которую ест бабушка. Мокрое платье, в котором так хочется танцевать под дождём. И взгляд мамы, в котором вдруг не оказывается защиты.

Это короткие зарисовки — кадры, из которых постепенно складывается взрослый человек. Моя попытка вспомнить себя настоящую: ту девочку, которая всё это видела, чувствовала и запомнила навсегда.

Возможно, читая эти вспышки, вы тоже вспомните что-то своё.

Вспышки памяти. Зарисовки из детства

Это не научная работа и не замена терапии. Это мои воспоминания и мой взгляд — то, как я вижу свои детские впечатления и то, что они во мне оставили. Возможно, читая, вы узнаете в чём-то себя.

Эпизод 1

Первое яркое пятно в моей памяти — не лицо, а ощущение.

Холодная комната в коммуналке, пахнет мандаринами и старым паркетом, натёртым до блеска. Ёлка до потолка кажется гигантской — её ветки касаются люстры, и от этого комната становится ещё меньше, но одновременно бесконечной. На подоконнике — блюдце с ватой, в котором сохнет вырезанный из бумаги снеговик.

А потом — мамин голос, таинственный, зовущий за собой в коридор: «А я знаю, где Дед Мороз спрятал для тебя подарок». И этот голос был важнее любого бородатого старика в шубе.

Не было бородатого старика, не было саней, бубенцов, волшебного посоха. Было только это знание — что чудо существует, что оно уже здесь, в этой тесной комнате с обоями в цветочек, где на кухне соседка варит холодец, а за стеной плачет чужой ребёнок.

И кукла — безликая, с целлулоидной головой, в ситцевом платье, сшитом из маминой старой блузки. Но она была моим подарком, не просто игрушкой, а доказательством того, что чудеса возможны, что кто-то потратил время, вырезал, сшил, придумал — только для тебя.

В этом воспоминании нет звуков, только тепло материнских рук, колючая мишура, запах хвои и мандаринов и тихая магия, которую создал один человек для другого, — магия, которая не нуждалась в волшебниках.

Я думаю теперь, что мозг ребёнка выхватывает не событие целиком, а его эмоциональный пик. Здесь пиков было два: предвкушение чуда и осознание его источника. Деда Мороза не было — была мама. И это, наверное, был мой первый подсознательный урок: волшебство творится руками близких, а не мифическими существами..

Но у этого урока была и обратная сторона, которую я поняла гораздо позже. Когда чудо зависит только от людей, а не от мифических существ, появляется страх: а что, если эти люди исчезнут? Что, если мама устанет создавать волшебство? Эта тревога, зашитая в первое яркое воспоминание, шла со мной всю жизнь — в отношениях, в творчестве, в попытках удержать то, что невозможно удержать.

Эпизод 2

Комната в коммуналке. Я притворяюсь спящей, чтобы избежать встречи с тётей — женщиной с громким голосом и цепкими объятиями, которые вызывали необъяснимый тре-

пет.

Сквозь ресницы я вижу, как взрослые тщетно пытаются меня «разбудить». В голове одна мысль: «Не заметят, отстанут». И тут происходит непредвиденное. Я вытягиваю ногу, пытаясь найти удобное положение, и случайно, легонько, задеваю тётю.

Мгновение — и комната взрывается. «Она специально!» — звучит обвинительный возглас. Слова, как кнуты, обжигают кожу: «Как тебе не стыдно?!»

Стыд — это слово впервые вошло в моё сознание не как понятие, а как физическое ощущение жара во всём теле, от которого невозможно спрятаться. Я пытаюсь протестовать, объяснить, что это была случайность, но мой голос тонет в хоре взрослых, уверенных в своей правоте.

Хуже всего — взгляд мамы. В её глазах нет защиты, только разочарование и солидарность с обвинителями.

В этот миг во мне рушится что-то важное — ощущение, что мой мир это безопасная гавань, где меня поймут. Теперь я понимаю: даже самые близкие могут стать по ту сторону баррикады, если того требуют чужие правила.

Я оказалась в ситуации, где моя внутренняя правда — «это была случайность» — полностью отрицалась внешним миром. Взрослые обладали монополией на интерпретацию событий. Их слово было законом, даже если этот закон несправедлив. Так родилось чувство бессилия и недоверие к собственному восприятию. Во взрослой жизни это заставля-

ло меня постоянно сомневаться в своих мотивах и поступках, искать подтверждения своей правоты там, где их не требуется.

Мать, главный источник безопасности, в ключевой момент не встала на мою защиту. Это заложило глубокий страх: «Если меня не защитила мама, кто тогда защитит?» Подрыв базового доверия к близким стал фундаментом для будущих отношений, где каждая ссора воспринималась как предательство, а каждое недопонимание — как угроза.

Фраза «Как тебе не стыдно?» — мощное орудие социального программирования. Здесь стыд был навязан извне за поступок, не имевший злого умысла. Во взрослом возрасте это вылилось в хроническое чувство собственной «плохости», не связанное с реальными проступками. Токсический стыд, который шепчет: «Ты недостаточно хороша. Ты всегда виновата. Ты должна искупить то, чего не делала».

Эта сцена — не просто детский конфликт. Это момент, когда у меня появилась первая, ещё не осознанная, трещина в картине мира — трещина, из которой позже произросли и моё обострённое чувство справедливости, и уязвимость перед мнением окружающих, и история, где сценарий повторился в грандиозном масштабе.

Мы часто думаем, что детские обиды забываются, но некоторые из них становятся архитекторами нашей взрослой жизни. То, что когда-то было случайным касанием ноги, во взрослом возрасте превращается в невозможность сказать

«нет», в страх занять своё место, в привычку извиняться за то, в чём не виновата. Внутренний судья, рождённый в той коммуналке, безжалостно выносил приговоры, пока я не научилась слушать свой собственный голос, а не хор чужих обвинений.

Эпизод 3

Бабушка сшила для меня платье, но не просто платье, а воплощение мечты — с кружевами, из ткани с цветами, которые пахли летом.

Оно было прекрасно. И это была не просто одежда — это было продолжение меня, творение бабушкиной любви, материализованная сказка.

И вот я выхожу в нём на улицу. Идёт тихий, тёплый летний дождь. Капли нежно касаются ткани, и меня охватывает порыв — чистейшая, ничем не омрачённая радость. Я начинаю кружиться — руки в стороны, голова запрокинута, мокрая от дождевых капель.

Я не просто девочка в новом платье, а центр вселенной, фея, принцесса, королева, танцующая под аккомпанемент неба. В моём восприятии дождь — не угроза, а союзник, делающий момент волшебным. В этом моменте нет ничего, кроме гармонии между мной, платьем и дождём, это экстаз чистого присутствия в моменте.

А потом — резкая смена кадра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.